

Пожар — дело рук Чэнь Аня.

Первые признаки беды на духовных полях он заметил ещё полмесяца назад.

На восьмидесяти му за горой Сяоцан рос духовный рис Яньчжи — культура невероятно капризная. Слишком жарко — сохнет, слишком холодно — чахнет, пересушишь или зальёшь — сгниёт. Чтобы собрать добрый урожай, за побегами требовалось присматривать чуть ли не круглосуточно, наведываясь на поля по три раза на дню.

Отбывая наказание, Чэнь Ань первые дни честно гнул спину на прополке да ловле вредителей. Однако мысли его непрестанно улетали к духовным практикам — сидеть без дела и не медитировать казалось невыносимым. Видя, что стебли Яньчжи наливаются силой, а Гу Янь целыми днями пропадает у деревьев плодов Билин и слова не говорит, не застав юношу за работой, Чэнь Ань окончательно потерял страх. Ленг разрослась пышным цветом.

«Пока старший брат на горе, с побегами ничего не случится», — успокаивал он себя.

Вскоре он и вовсе забросил обязанности, с головой уйдя в медитации.

За пять лет усердных трудов Чэнь Ань вплотную подобрался к прорыву с шестого на седьмой уровень стадии Концентрации Цзи. Одержимый желанием преодолеть барьер, он восемь дней подряд даже не наведывался на поля.

Когда же он наконец опомнился и пришёл к пашне, большинство стеблей уже высохло насмерть. Уцелевшие остатки даже не завязали колосьев. Дело шло не просто к скудному сбору — маячил полный крах. Вид сплошного желтеющего сухостоя поверг Чэнь Аня в ужас. Ноги его подогнулись, и он чуть не свалился в межу. Сжимая в дрожащих руках сухую солому, юноша разразился рыданиями и сквозь слёзы яростно заскрежетал зубами: как Гу Янь мог оказаться настолько бессердечным?! Как можно было хладнокровно наблюдать, как драгоценные побеги превращаются в мёртвую траву?!

Впрочем, брань сыпалась лишь за глаза — напрямую перечить Гу Яню он не смел.

Поначалу Чэнь Ань рассчитывал дожидаться созревания плодов Билин. Когда у обитателей горы Сяоцан появятся лишние духовные камни, он намеревался замолвить слово перед младшим братом-наставником Линем. Ему прекрасно было известно о вражде между Линь Чжэньчжэнем и Гу Янем: чем сильнее старший брат стремился прогнать Чэнь Аня с горы, тем усерднее Чжэньчжэнь пытался его удержать. На этом раздоре Чэнь Ань и надеялся сыграть.

Однако всё пошло крахом: Гу Янь забрал весь урожай плодов Билин до единого, а преподобный Цинъян не молвил и слова вопреки, словно давая молчаливое согласие. Когда же ученики обратились к учителю за духовными камнями и услышали в ответ: «Получите своё, как только соберём рис Яньчжи», — Чэнь Ань понял, что пропал.

На полях осталась лишь сухая нива — откуда взяться зерну?!

Он метался среди высохших межей, изо дня в день пребывая в смертельном страхе. Восемьдесят му! Потери исчислялись тысячами духовных камней — продай его с потрохами, и того не хватит, чтобы возместить урон.

Ужас перемешивался в нём со злобой. Чэнь Ань ненавидел Гу Яня, который видел, что засуха губит рис, но палец о палец не ударил, позволяя стеблям превратиться в труху. Ненавидел и Линь Чжэньчжэня, вспыхнувшего сочувствием и настоявшего на том, чтобы оставить его на горе... Спустился он с горы раньше, какое дело было бы ему до этих проклятых полей?!

Чем больше Чэнь Ань размышлял, тем сильнее закипала в нём слепая ярость. Взирая на бескрайнее жёлтое море сухостоя, он внезапно хищно прищурился — в голове созрел дерзкий, отчаянный замысел.

Что, если сжечь всю эту сухую траву дотла и списать всё на небесную карающую стихию? Он лишь скромный адепт на стадии Концентрации Цзи — разве под силу ему совладать с неукротимым пламенем? Тогда даже Гу Янь не сумеет придаться и найти повод для наказания!

Мысль казалась всё более спасительной, а промедление грозило бедой. Не давая себе времени на сомнения, Чэнь Ань дождался ночной тьмы и поджёг сухую траву на краю пашни.

Он стоял неподалёку, заворожённо наблюдая, как алые языки с жадностью пожирают стебель за стеблем. Было похоже, будто само небо покровительствует его затее: подкравшийся ветерок подпитал пламя, и то с треском и гулом устремилось дальше. Огненный вал охватил весь залив, а багровые отсветы плясали на лице Чэнь Аня, искажённом безумным восторгом.

Однако расчёт оказался неверным. Вся братия горы Сяоцан с нетерпением ждала урожая, чтобы получить причитающиеся за рис духовные камни, а потому за задним склоном присматривали в оба глаза. Едва пламя разгорелось, как в ночной тишине раздались исполненные ужаса крики:

— Пожар на полях! Рис Яньчжи горит!

— Сюда, скорее! Пожар!

— Я видел Чэнь Аня! Это он устроил поджог!

Не ожидавший столь скорой развязки Чэнь Ань от страха потерял остатки разума и бросился наутёк. Не успел он преодолеть и двух ли, как со стороны пожарища донёсся свист рассекаемого воздуха — кто-то стремительно приближался. Понимая, что за уничтожение духоносного урожая его ждёт суровая кара, юноша в панике устремился к северному хребту

горы Сяоцан — самому крутому и опасному утёсу.

[0047] Преследователь заметно превосходил его в духовном развитии и не отставал ни на шаг. Погоня продолжалась ещё пять ли, пока обезумевший от ужаса Чэнь Ань не оступился на мокром камне и со свистом не полетел со скалы вниз, ломая ветви и подставляя тело острым уступам.

Когда спустившийся к подножию Чжао Чжэньюй добрался до места падения, перед ним лежало лишь изуродованное месиво: кости несчастного превратились в труху, а лицо было искажено до неузнаваемости. Делать нечего — пришлось поднять останки и отправляться назад с докладом.

Виновник смуты был мёртв, но с пламенем, бушующим на полях, сделать ничего не удавалось. Высохший до звона рис Яньчжи вспыхнул словно порох. Раздуваемый ночным порывистым ветром, огонь бушевал до самого рассвета, и лишь с первыми лучами солнца бушующее море искр улеглось, оставив после себя лишь дымящееся пепелище.

Слуга, ведавший закупками и хозяйством, с трепетом вытер пот со лба:

— Какое счастье, что по указанию старшего брата-наставника мы заранее обустроили просеку между полем и лесом! Не сделай мы этого — выгорела бы вся гора.

Стоявший подле него преподобный Цинъян молча взирал на ещё дымящийся пепел и изуродованные останки Чэнь Аня, брошенные неподалёку. Лицо настоятеля потемнело, точно перед грозой.

И причиной тому была не только гибель урожая, оставившая слуг без обещанного жалованья. В памяти настоятеля вдруг явственно прозвучал тихий вопрос, заданный Гу Янем в ту злополучную ночь:

«Учитель, вы ведь тоже полагали, что я чёрств и просто ищу повод прогнать Чэнь Аня с горы?»

Нет. Гу Янь был прав. Ошибался всё это время он сам.

<http://bllate.org/book/19602/1934199>